

ФОРМИРОВАНИЕ ЛАГЕРНОЙ ЮСТИЦИИ В СССР В 1930-е ГОДЫ

© 2015 г. Денис Николаевич Шкаревский¹

Аннотация: в данной статье автор предлагает по-новому взглянуть на причины создания лагерной юстиции. По его мнению, лагерная юстиция была создана для наведения порядка в местах заключения через проведение карательной политики. Автор отмечает проведение противоречивой политики в области управления лагерными судами.

Annotation: in this article the author describes the reasons for the creation of a prison justice. According to him, the prison courts were created to restore order in prisons through punitive policies. The author notes contradictory management of prison courts.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция СССР, лагерная юстиция СССР.

Key words: Soviet justice, a special justice of the USSR, prison justice in the USSR.

Основными причинами появления и развития лагерной юстиции в СССР следует признать не только большое количество заключенных, на что указывает большинство исследователей (А.Я. Кодинцев, Г.М. Иванова²), но и общую обстановку в местах заключения.

Известно, что в 1930-е годы многие пенитенциарные учреждения даже не были подконтрольны администрации. В качестве примера можно привести Соловецкое отделение СЛАГ ОГПУ, в котором группа заключенных уголовников, при попустительстве и способствовании лагерного аппарата в течение продолжительного времени (с осени 1931 г. и до второй половины 1932 г.) производя систематически кражи, избиения заключенных и надзоров, грабежи, пьянство, картежную игру, членовредительство, поножовщину и т.д., выросла в явно бандитскую группу, буквально терроризируя остальное лагерное население.

Кражи из лагерных предприятий и складов были систематическими, достигнув своего апогея в январе 1932 г., когда был обокраден распределитель для сотрудников на сумму выше 5 тыс. руб.

Не встречая никакого отпора со стороны лагерной администрации, уголовники дошли до того, что в камерах постоянно устраивали дебоши, ломали оборудование, стены, двери, взламывали замки в камерах штрафников и выпускали арестованных, оказывали вооруженное сопротивление стрелкам ВОХРа и надзору.

Аппарат 3-го Отделения, состоящий из заключенных, не только не боролся с преступностью, а наоборот, сам разложился. Сотрудники его срослись с преступным элементом, систематически пьянствовали, брали взятки за незаконное прекращение дел о преступлениях, расхищали вещественные доказательства, устраивали оргии с заключенными женщинами, всячески поощряя среди них проституцию, установлены случаи изнасилования заключенных женщин, снабжения уголовников оружием для совершения краж,

имели связь со шпионским элементом, расшифровывали агентуру и т.д. и т.п.”³.

Подобная обстановка не могла не стимулировать правоохранительные органы на создание тех или иных лагерных судов. Так, в 1934–1938 гг. в СССР существовали лагерные отделения областных и верховных судов, в 1938–1941 гг. – постоянные сессии областных судов в лагерях, в 1941–1945 гг. – военные трибуналы лагерей.

30 декабря 1944 г. вышел Указ ПВС СССР “Об организации специальных лагерных судов”. К их подсудности относились дела о преступлениях, совершенных в ИТЛ и колониях НКВД, за исключением дел о преступлениях сотрудников НКВД, дела о которых рассматривались военными трибуналами. В Верховном Суде (далее – ВС) СССР была создана судебная коллегия по делам лагерных судов (далее – СКДЛС) для рассмотрения кассационных и надзорных дел.

По данным Г.М. Ивановой, с инициативой создания лагерных судов выступили К.П. Горшенин, Н.М. Рычков и Л.П. Берия. Они указывали на необходимость создания подобных судов в связи с запутанностью системы правосудия, отсутствием единой судебной политики по делам о преступлениях в лагерях⁴.

Следует отметить, что данная тема является слабо изученной, что во многом связано с секретностью и недоступностью для исследователей архивных материалов. Поэтому основная задача данной работы – дать общую характеристику развитию лагерной юстиции в 1930-е годы и выявить ее основные проблемы.

Итак известно, что на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1934 г. существовали *лагерные отделения* областных и верховных судов (далее – *лагсудов*). Однако в августе 1935 г. Прокурор СССР сообщал, что “в ряде лагерей отделения судов должным образом не организованы... до сих пор не организованы суды при Севвостлаге, Бамлаге, экспедиции на о. Вайгач... в ряде лагерей – большие залежи дел: в Сиблаге 59 дел по подсудности крайсуду, 377 дел подсудных нарсуду; по Беломорско-Балтийскому лагерю 529 нерассмотренных дел; по Севвостлагу – свыше 100 дел... Дела рассматриваются че-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права ГБОУ ВПО “Сургутский государственный университет ХМАО-Югры”, кандидат исторических наук (E-mail: shkarden@mail.ru).

² См.: Кодинцев А.Я. Лагерная юстиция в СССР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 41–46; Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 51, 52.

⁴ См.: Кодинцев А.Я. Указ. соч. С. 41.

рез 4–5 и даже 6 месяцев после совершения преступления. Директива Верховного Суда об определении подсудности дел, подлежащих рассмотрению отделениями при лагерях, на практике воспринята формально. Нарсудам передавались дела, которые по своей значимости... должны быть рассматриваемы отделениями при лагерях. Это привело к смазыванию ряда дел”⁵.

Отмечу, что даже Московский областной суд не выполнял директивы Верховного Суда, что стало предметом рассмотрения на закрытом заседании Президиума Верховного Суда 25 февраля 1935 г. Причем лаготделение этого суда не было обеспечено помещением, средствами передвижения⁶. Справедливости ради необходимо отметить, что кредиты на содержание лагерных отделений судов были “отпущены НКФ (Наркомфин) только в марте 1935 г.”⁷.

Таким образом, фактически система лагерной юстиции в середине 1930-х годов работала неудовлетворительно. Достаточно часто нарушались сроки рассмотрения и подсудность. Отметим, что этому способствовали и сами органы управления советской юстиции. Так, ВС РСФСР предложил “председателям отделения край/обл. судов принимать к своему производству и рассматривать все дела, хотя бы подсудности нарсуда, но имеющие в условиях лагеря крупное значение”⁸.

Всего в первой половине 1935 г. в РСФСР действовали 38 спецколлегий (в краевых и областных судах – 24, в главсудах автономных республик – 14), лагеря НКВД обслуживали 13 отделений лагерных судов. Причем в лагерных отделениях край/глав. и областных судов из 39 штатных единиц были заняты по факту 37 человек. Среди членов спецколлегий и лагерных судов 38% составляли бывшие работники НКВД, специальное юридическое образование имели 8,7%, стаж работы в органах юстиции свыше пяти лет имели 72,7% сотрудников. Причем отмечалось, что лагерные суды “хуже укомплектованы штатами, чем спецколлегии”⁹.

Сказывались на работе лагсудов “разбросанность и удаленность от центральных пунктов отделений лагерей”. Так, в Сиблаге насчитывалось 73 500 заключенных по 22 отделениям (в Западной Сибири, Красноярском крае, Казахстане)¹⁰. Следует отметить и тот факт, что многие лагсуды не представляли отчеты.

Примерно 40% дел рассматривались лагерными отделениями судов, а 60% – народными судами. Однако такая

практика вызывала серьезные нарекания, так как “контроля за нарсудами не было... рассмотрение дел задерживалось..., карательная политика не выдерживалась нарсудами”¹¹. По этому Верховный Суд запретил с января 1936 г. передавать лагерные дела в нарсуды и постановил увеличить штаты лагерных судов.

Основная масса преступлений, рассматриваемых лагсудами, квалифицировалась по ст. 82 УК РСФСР 1926 г. (“Побег арестованного из-под стражи или места заключения, совершенный посредством подкупа, взлома или повреждения стен, затворов, а равно возвращение в запрещенные для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему. ... самовольное временное оставление назначенного постановлением судебного или административного органа местопребывания, а равно неявка в срок к назначенному теми же органами месту жительства”).

Общее представление о составе подсудимых дает табл. 1.

Таблица 1
Состав подсудимых лагсудов (за 1935 г.)¹²

Преступление	Количество (чел.)	Доля (%)
Закон 7.VIII.1932 г.	335 чел.	5.6%
Ст. 58–10 УК РСФСР	446 чел.	7.9%
Другие контрреволюционные преступления	74 чел.	1.3%
Ст. 59–3 УК РСФСР (бандитизм)	1239 чел.	20.9%
Ст. 82 УК РСФСР (побег)	1820 чел.	30.8%
Остальные преступления (преступления против личности и здоровья)	1976 чел.	33.5%

Таким образом, лагсуды рассматривали в основном дела, связанные с преступлениями против личности, с побегими, бандитизмом и контрреволюционными преступлениями.

Представление о карательной политике лагсудов дает табл. 2.

Таблица 2
Карательная политика лагерных отделений судов (1, 2, 3 кварталы 1935 г.)¹³

квартал	всего	ВМН		1–3 г.		3–5 л.		5–10 л.		10 л.		прочее	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	48	28	58.3	2	4.2	4	8.3	9	8.8	5	10.4	–	–
2	342	143	41.8	29	6.2	37	10.8	52	15.5	81	23.7	–	–
3	375	107	28.5	43	11.4	52	13.9	64	17.1	95	25.4	14	3.7

⁵ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3с. Д. 1с. Л. 1.

⁶ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3с. Д. 2с. Л. 1.

⁷ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 6с. Л. 1.

⁸ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3с. Д. 1с. Л. 2.

⁹ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 6с. Л. 3.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. А 428. Оп. 3. Д. 6с. Л. 22.

¹¹ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 23с. Л. 5.

¹² См.: ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 17с. Л. 2.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 6с. Л. 23.

Итак, карательная политика лагсудов была весьма суровой. Однако утверждение ВМН составляло порядка 60%, по остальным мерам – 92.4%. Видимо, с этим связаны резкое снижение доли приговоров к ВМН и резкий рост доли приговоров к 10 годам лишения свободы¹⁴.

Повсеместным было нарушение сроков рассмотрения дел. Вместо трех дней по Ухтпечлагу 46.4% дел рассматривались свыше месяца. За 1935 г. по всем лагсудам в срок свыше одного месяца рассматривались 42.6% дел, от 10 дней до 1 месяца – 23.9% дел, до 10 дней – 33.5% дел. Затягивание при рассмотрении дел (“волокита”) приводила к “прекращению большого количества дел ввиду давности совершения преступлений и утраты общественного значения дел”. Некоторые лагсуды (например, лагсуд Бамлага) “принимали к производству дела с грубейшими дефектами расследования (расследования проводились неправомерными лицами)”. Весьма часто указывалось на “необоснованно мягкие меры наказания”¹⁵. Например, лагерный суд Темниковского лагеря из всех осужденных за побег 24% осудил “к 1 году лишения свободы”¹⁶.

Таким образом, табл. 3 демонстрирует значительное снижение дел, рассматриваемых в срок до 10 дней, и резкое увеличение доли дел, рассматриваемых в срок свыше 10 дней. Такое положение явно привело к скоплению большого количества дел, в том числе и в лагсудах.

Таблица 3

Темпы работы местных спецколлегий судорганов РСФСР за 1–3 кварталы 1935 г.¹⁷

Квартал	До 10 дн.	10 дн.–1 мес.	Свыше 1 мес.
1	43.7%	46.9%	9.4%
2	29.6%	52.7%	17.7%
3	16.5%	55.9%	20.4%

Весьма острой для органов лагерной юстиции являлась кадровая проблема. В особенности это касалось окраин

страны. Например, в Дальневосточном крае (ДВК) зачастую “директивы об укомплектовании лагсудов до полного состава крайсудом не выполнялись, несмотря на прибытие новых работников, направляемых центром” (которых просто оставляли на работе в крайсуде). В составе лагсудов были “работники, недостаточно проверенные и явно не пригодные к судебной работе”¹⁸. На 20 февраля 1936 г. “во всех лагсудах вместо установленных штатных единиц судей 78, фактически было 34 чел. (недокомплект составлял 56.4%). Полностью укомплектованы только 5 лагерных судов”¹⁹ (из 13 лагсудов). Причем из имеющихся работников только у двух было высшее образование, у трех – среднее, у остальных – “нисшее”. К 1937 г. недокомплект снизился до 26.7% (53 человека из 63 штатных единиц), а количество лагсудов выросло до 15²⁰.

Таким образом, основными причинами создания лагерной юстиции в 30-е годы следует признать не только большое количество заключенных, но и состояние дел в местах лишения свободы. Зачастую они превращались в “царство уголовников”, и, чтобы вернуть контроль и влияние администрации над этими учреждениями, создавались карательные органы лагерной юстиции.

Основные проблемы лагерной юстиции в 30-е годы сводились к отсутствию квалифицированных кадров и нехватке материально-технических средств.

К этому можно добавить противоречивую политику в области управления лагсудами. К примеру, с одной стороны, органы управления постановляли увеличить штат лагсудов, а с другой – штаты этих судов урезались, а количество судов увеличивалось; нередко органы управления требовали “усилить карательную политику” и в то же время не утверждали достаточно большое количество приговоров к ВМН. Подобное состояние дел явно дезориентировало судей лагерных судов.

Все это приводило к неудовлетворительной работе лагсудов, к увеличению сроков рассмотрения дел, к нарушению подсудности, халатному отношению к службе сотрудников лагерной юстиции.

¹⁴ См.: там же. Л. 25.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 12с. Л. 1.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 23 с. Л. 13.

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 6с. Л. 15.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 12с. Л. 1.

¹⁹ ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 17с. Л. 11.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. А428. Оп. 3. Д. 24с. Л. 3, 25.